

УДК 37+005.963.2:[82-31]
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-132-140>

Неомифологические способы воплощения темы наставничества в романах Мариам Петросян «Дом, в котором...» и Виктора Козько «Хроніка дзетдомаўскага саду»

Елена Владимировна Крикливец

*Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Витебск,
Республика Беларусь, kriklivec@mail.ru*

Аннотация

Сравнительное изучение близкородственных литератур представляется актуальным направлением современной гуманитаристики. Такой ракурс исследования позволяет выявить творческую уникальность произведения, национальную основу и способы литературной рецепции посредством раскрытия литературных и социокультурных связей, формирует открытость сознания к восприятию инонациональных культурных кодов и смыслов. Творческая индивидуальность Виктора Козько сформировалась в белорусском литературном процессе последней трети XX в., когда происходит усиление экзистенциальной направленности прозы. Мифопоэтизм белорусской прозы обладает национальной спецификой. Основные стилевые изменения происходят на стыке художественных систем «реализм – модернизм», «реализм – постмодернизм». Возникновение диффузных явлений обусловлено как индивидуально-авторским творческим экспериментом, так и общими стилевыми тенденциями эпохи. Модернистские интенции в белорусской литературе имеют ярко выраженную фольклорно-мифологическую основу, которая обусловила преобладание аутентичных элементов, помогла вербализовать бессознательные категории, сделать их предметом авторской и читательской рефлексии. Мариам Петросян осуществляла работу над романом «Дом, в котором...» на протяжении почти двух десятилетий (1991–2009). Литературный процесс рубежа XX–XXI вв., с одной стороны, демонстрирует завершение определенного социокультурного этапа, с другой – свидетельствует о начале нового исторического и культурного цикла. Не случайно аллегорическая природа романа удовлетворяет эстетические и когнитивные потребности времени – создать метонимическое изображение современного социума. Оба прозаика активно используют различные типы вторичной художественной условности. В зависимости от ее доминирующего типа и доминирующего художественного приема можно выделить следующие пути обогащения реалистической эстетики средствами неклассической художественности: актуализация сюрреалистической эстетики; синтез реалистического и фантастического; обращение к фольклорно-мифологическим мотивам, мифологическим способам познания мира. Мифологическая цитация, использованная в романах Мариам Петросян «Дом, в котором...» и Виктора Козько «Хроніка дзетдомаўскага саду» при воплощении образов учителей и воспитанников, топосов дома и сада, неомифологические приемы моделирования реальности позволили писателям создать уникальную пространственно-временную организацию произведений, эксплицировать национальные культурные коды.

Ключевые слова: *русская литература, белорусская литература, реализм, модернизм, сравнительно-типологический анализ, мифологическая цитация*

Для цитирования: Крикливец Е. В. Неомифологические способы воплощения темы наставничества в романах Мариам Петросян «Дом, в котором...» и Виктора Козько «Хроніка дзетдомаўскага саду» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 1 (231). С. 132–140. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-132-140>

Neo-mythological ways of embodying the theme of mentoring in the novels by Mariam Petrosyan “The Gray House” and Victor Kozko “Chronicle of an orphanage garden”

Elena V. Kriklivets

Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus, kriklivec@mail.ru

Abstract

The comparative study of closely related literatures seems to be a relevant direction in modern humanities. This perspective of the study allows us to identify the creative uniqueness of the work, the national basis and methods of literary reception through the disclosure of literary and sociocultural connections, and forms the openness of consciousness to the perception of foreign cultural codes and meanings. The creative individuality of Viktor Kozko was formed in the Belaru-

sian literary process of the last third of the twentieth century, when there was an increase in the existential orientation of prose. Mythopoeticism is characterized by its rootedness in the universal humanistic constants of national specificity. The main stylistic changes occur at the junction of the artistic systems of realism – modernism, realism – postmodernism. The emergence of diffuse phenomena is due to both the individual author's creative experiment and the general stylistic trends of the era. Modernist intentions in Belarusian literature have a pronounced folklore and mythological basis, which determined the predominance of authentic elements, helped to verbalize unconscious categories, making them the subject of author and reader reflection. Mariam Petrosyan worked on the novel "The Gray House" for almost two decades (1991–2009). The literary process at the turn of the 20th–21st centuries, on the one hand, demonstrates the completion of a certain sociocultural stage, on the other, it indicates the beginning of a new historical and cultural cycle. It is no coincidence that the allegorical nature of the novel satisfies the aesthetic and cognitive needs of the time – to create a metonymic image of modern society. Both prose writers actively use various types of secondary artistic conventions. Depending on the dominant type of convention and the dominant artistic technique, the following ways of enriching realistic aesthetics with means of non-classical artistry can be distinguished: actualization of surreal aesthetics; synthesis of realistic and fantastic; appeal to folklore and mythological motifs, mythological ways of understanding the world. The methods of mythological quotation used in the novels by Mariam Petrosyan "The Gray House" and Viktor Kozko's "Chronicle of an orphanage garden" when embodying the images of teachers and students, topoi of the house and garden, neo-mythological methods of modeling reality allowed the writers to create a unique spatiotemporal organization of works, explicate national cultural codes.

Keywords: Russian literature, Belarusian literature, realism, modernism, comparative typological analysis, mythological quotation

For citation: Kriklivets E. V. Neomifologicheskiye sposoby voploshcheniya temy nastavnichestva v romanakh Mariam Petrosyan "Dom, v kotorom..." i Viktora Koz'ko "Khronika dzetdomaŭskaga sadu" [Neo-mythological ways of embodying the theme of mentoring in the novels by Mariam Petrosyan "The Gray House" and Victor Kozko "Chronicle of an orphanage garden"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 1 (231), pp. 132–140 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-132-140>

Введение

На рубеже XX–XXI вв. корпус знаковых литературных произведений создается в стилевой интеграции «реализм – модернизм», «реализм – постмодернизм». Взаимодействие и взаимовлияние эстетических систем обусловили жанрово-стилевую динамику литературного процесса данного периода, вектор индивидуально-авторских поисков, семантические и морфологические особенности конкретных произведений.

Виктор Афанасьевич Козько – яркий представитель белорусской литературы последней трети XX в. Научный интерес к творчеству В. Козько достаточно активно проявлен белорусскими учеными. Об этом свидетельствуют монография Г. М. Друк «У храме слова: міфатворчасць В. Казько» [1], статьи Т. С. Нуждиной [2], Т. Л. Барабаншиковой [3], Г. М. Друк [4], Д. Бугаева [5], М. А. Тычины [6], П. В. Васюченко [7], А. А. Василевич [8] и др. В них исследуется творческий путь писателя, фольклорные и мифологические мотивы его произведений. В ряде названных работ творчество В. Козько рассматривается в сопоставлении с прозой других белорусских писателей второй половины XX в., включается в проблемно-тематическую парадигму прозы В. Быкова, А. Адамовича, В. Карамазова, А. Кудравца.

В произведениях писателя нравственно-философская и социально-экономическая проблематика получает осмысление посредством использования

различных способов мифологической цитации, что коррелирует с параболическим вектором развития белорусской прозы в последние десятилетия XX в. [1]. Роман «Хроніка дзетдомаўскага саду» (1987) представляет собой попытку постижения индивидуальной судьбы героев в контексте исторического пути народа. Описываемая автором современная действительность переплетена в романе с событиями прошлого (процесс объединения белорусских земель, Великая Отечественная война), человек предстает в извечной взаимосвязи с социумом, природой, исторической и генетической памятью.

Роман Мариам Петросян «Дом, в котором...» прошел долгий путь «кристаллизации» от начала создания произведения в 1991 г. до его бумажного воплощения в 2009 г. Аллегорическая природа романа изоморфна коммуникативной задаче автора – создать метонимическое изображение современного социума. Художественное полотно произведения изобилует приемами вторичной художественной условности. Жанрово-стилистические и сюжетно-композиционные особенности романа М. Петросян «Дом, в котором...» привлекают исследовательское внимание, что подтверждается статьями Т. В. Соловьевой [9], С. В. Вяткиной [10], М. Н. Липовецкого [11], В. А. Мескина, Л. В. Гайдаш [12] и др. в научной периодике. Имя писателя Мариам Петросян входит в международный научный обиход [13].

Сопоставительный ракурс изучения романов В. Козько и М. Петросян даст возможность выявить

общность и специфику авторских моделей мира, определить в них константы национально-культурной парадигмы, аксиологический диапазон писателей-современников.

Материал и методы

Материалом исследования послужили романы Мариам Петросян «Дом, в котором...» и Виктора Козько «Хроніка дзетдомаўскага саду». В работе использованы сравнительно-типологический и культурно-исторический методы, позволившие рассмотреть творчество авторов в контексте историко-культурного процесса и процесса развития национальных литератур, а также выявить национальные особенности и общие закономерности использования различных способов мифологической цитации.

Результаты и обсуждение

Для того чтобы раскрыть нравственно-философскую проблематику произведений, связанную с социальными и духовными аспектами наставничества, необходимо учитывать специфику пространственно-временной организации романов, континуума, в котором происходит формирование и взаимодействие героев.

Центральное место в хронотопе обоих произведений занимает топос дома. М. Петросян четко зонировует пространство Дома и в основном тексте романа, и в интермедии: спальни воспитанников, внешне соответствующие ценностным ориентациям каждой из субкультур; места общего пребывания (коридоры, лестницы и т. п.), хранящие «культурную информацию» о бывших и нынешних воспитанниках; крыло администрации и воспитателей, надежно отделенное от остальной территории Дома. Подобная сконцентрированность на пространстве Дома как основного места действия романа указывает на стремление автора изобразить замкнутый в самом себе социум, практически лишенный связи с внешним миром, обитатели которого, будучи «исторгнуты» обществом, создают свой микромир с его фактическими и психологическими законами. Таким образом, центральные конфликты произведения определены изолированным характером его хронотопа.

В романе В. Козько «Хроніка дзетдомаўскага саду» топос дома обладает гораздо более широким функциональным спектром. Локус детского дома имеет свою историю: бывшие казармы пограничников, перестроенные в военное время под детский дом, становятся впоследствии временным

пристанищем геологов, разведывающих месторождения полезных ископаемых в Полесье. Отметим, что произведение имеет автобиографическую основу. Автор-повествователь, активно проявленный в тексте романа, – один из бывших воспитанников послевоенного детского дома в глухой полесской деревушке. Поэтому воспоминания о жизни в детском доме автор тесно связывает с образом деревни, где прошло его детство, с любовью к малой родине, с темой личной ответственности за сохранение исторической памяти: «...мы зачнім, замкнём усе дзверы ў нашай хаце, кожныя возьмем пад замок. І каля кожных паставім нябачнага вартавога і накажам кожнаму: добрых людзей прапусаць, а злых – даўбешкай па макацоўбіне. І хата наша захавасца на стагоддзі. Яна не спархнее, не разбурыцца. Вечнымі застанёмся і мы!»¹ [14, с. 275]. Следовательно, структура топоса дома в романе В. Козько представляет собой своего рода «концентрические круги», расширяющиеся от частной локации до пространства Беларуси в целом. Задача автора – не разорвать, а восстановить взаимосвязь частной жизни человека с историей народа и природным космосом.

При отмеченном различии коммуникативных и когнитивных задач анализируемых произведений, пространственно-временная организация романов М. Петросян и В. Козько имеет ряд общих черт. Так, в мифологических представлениях обитателей «Дома, в котором...» существует Изнанка Дома – мистическая, метафизическая часть пространственно-временного континуума (представлена локусом ночного леса), доступная не каждому воспитаннику. Изнанка освобождает воспитанников дома от физической неполноценности: инвалидов колясок, костылей и т. п., при этом вскрывая истинную духовную сущность человека. Собственно наличие Дома и Изнанки в пространственной структуре романа отражает амбивалентные представления автора о физической и духовной составляющей личности.

Образ-мотив сада в романе В. Козько коррелирует с представлениями об Изнанке Дома в романе М. Петросян. Сад (а вернее, отношение к саду) раскрывает духовный потенциал героев произведения белорусского писателя. На протяжении романа яблоневый сад на территории детского дома несколько раз вырубают и сажают вновь. С образом сада связаны мифологические мотивы умирания – возрождения, присутствуют элементы тотемического мировосприятия (каждый новичок сажает свою яблоньку). История детдомовского сада во-

¹ «...мы закроем, замкнем все двери в нашем доме, каждую возьмем под замок. И возле каждой поставим невидимого сторожа и прикажем каждому: добрых людей пропускать, а злых – палкой по башке. И дом наш сохранится на века. Он не обветшает, не разрушится. Вечными останемся и мы (здесь и далее в сносах перевод на русский язык Е. В. Крикливец).

площадит историю всего белорусского народа XX в. В одной из глав романа сад воплощает собой представление об инобытии (райский сад).

История воспитанников «Дома, в котором...», духовно ушедших на Изнанку и оставивших свои тела в Наружности, переключается с экзистенциальными исканиями автора «Хронікі дзетдомаўскага саду», который пытается обрести нравственные смыслы через возвращение к историческим корням, через познание себя путем возрождения национального самосознания. В обоих произведениях пространство дома воспринимается как сакральное. При этом в романе М. Петросян оно противопоставлено профанному пространству Наружности, враждебной воспитанникам, уже отвергнувшей их однажды по причине физической или психической неполноценности.

Названные особенности пространственной организации обуславливают временную дискретность романов. Герои обоих произведений наделены возможностью перемещаться во времени. Это своего рода герои-медиаторы, поскольку они связывают пространственно-временные планы романов, их реальную и мистическую составляющие. Среди обитателей «Дома, в котором...» воспитатели выделяют «ходоков» и «прыгунов». Воспитанники-«ходоки» посещают Изнанку осознанно, «своим ходом», не оставляя в Наружности следов своей физической составляющей. «Прыгунов» на Изнанку забрасывает после сильных эмоциональных переживаний, обнажающих их духовную сферу.

Центральным героем-медиатором в романе «Хроніка дзетдомаўскага саду» является зубр Сновдола, соединяющий несколько временных пластов: глубокую древность, первую половину XX в. и день сегодняшний. Зубр воплощает идею автора о необходимости обретения и аккумуляции исторической памяти, о взаимосвязи современности с историческим прошлым. В романе В. Козько границы во времени промаркированы типичными мифологическими образами мостика и тоннеля, хода, по которому уходят и возвращаются: «Усяму свой час. Ты пакуль еш, дарога твая далёкая. Я пакажу ход, па якім адыходзяць і вяртаюцца. І ты таксама пойдзеш і вярнешся, хаця дарога твая апошняя ў цябе, а таму еш, каб пастаяць за тых, каго ўжо няма, і паказацца тым, хто ёсць»² [14, с. 321].

Таким образом, авторы обоих романов выступают в роли духовных наставников читателя, посредством специфики пространственно-временной организации произведений убеждающих в том, что духовные ценности личности заключаются в глу-

бинном самопознании, в обретении гармонии духовного и телесного, в осознании взаимосвязи частного и общего.

В свою очередь мотив запустения и разрушения дома, присутствующий в произведениях и М. Петросян, и В. Козько, звучит как предупреждение о возможности экзистенциального кризиса в обществе, утратившем духовные ориентиры. Отметим, что разрушается не просто дом, разрушается и разоряется детский дом, т. е. место воспитания и формирования детей, требующих особого внимания и поддержки. Традиционно в литературе с образом ребенка ассоциируется образ будущего: разрушение дома для детей-сирот, детей-инвалидов свидетельствует о глубоких нравственных проблемах современного социума, которые вызывают озабоченность и беспокойство писателей.

Иносказательное, метафорическое звучание романов обусловлено разнообразием способов мифологической цитации, используемых авторами. Как мы уже отметили, М. Петросян создает дихотомию сакрального и профанного пространства. Сакральность Дома приобретает в первую очередь в восприятии его воспитанников. Мифологическое сознание ребят проявляется как в стремлении принадлежать к одной из сформировавшихся в Доме субкультур с ее внешними атрибутами (что генетически восходит к осознанию себя частью рода, клана, племени), так и в традиции четыре раза в год устраивать Ночь Сказок: «— Знаешь, как она раньше называлась? “Ночь, когда можно говорить”. Слишком прозрачно, да?» [15, с. 333]. Сказка для обитателей Дома – способ передачи сакральных знаний. Аллегорическая форма сказки позволяет подросткам, используя привычные или выдуманные сказочные образы, делиться информацией о походах на Изнанку или в Наружность (сказки Слепого и Сфинкса в первую из двух описываемых в романе Ночей; сказки Лорда, Рыжей, Черного во вторую Ночь Сказок). Также сказка – это способ поведать историю своей жизни, поделиться своим мироощущением, своей философией (сказки Табаки, Македонского, Стервятника). Ночь Сказок демонстрирует, что ребят волнуют экзистенциальные вопросы жизни и смерти, выбора и его последствий, богоискательства.

Мифологические реминисценции романа В. Козько отражают укорененность белорусской литературы в целом (и особенно ее модернистского дискурса) в фольклорно-мифологических традициях национальной культуры. Помимо образа зубра, который выступает символом народной памяти и национального самосознания, в романе

² «Всеми свое время. Ты пока ешь, дорога твоя далекая. Я покажу ход, по которому уходят и возвращаются. И ты тоже пойдешь и вернешься, хотя дорога твоя последняя у тебя, а поэтому ешь, чтобы постоять за тех, кого уже нет, и показаться тем, кто есть».

белорусского писателя присутствуют связанные со Сновдолой архетипические мотивы погони (охотника и жертвы). В. Козько обращается и к тотемным представлениям белорусского народа (в Полесье были распространены верования о том, что предками местных жителей являлись бобры). Образ многовекового дуба, возле которого принял смерть Сновдоло, тяготеет к архетипу мирового древа. Рухнувший дуб – символ утраты духовно-нравственной опоры, «заката цивилизации».

Носителями мифологического сознания в романе «Хроніка дзетдомаўскага саду» выступает в определенной степени и сам автор, и жители послевоенной полесской деревни, и, разумеется, воспитанники детского дома с их верой в невероятное и постоянной готовностью встретиться с чудом. Примечательно, что и в романе М. Петросян, и в романе В. Козько формируется тип героя с физическими или умственными отклонениями, но живущего богатой внутренней жизнью. Если в «Доме, в котором...» это практически все дети и подростки (учитывая специфику дома-интерната), то в произведении белорусского автора это страдающий эпилептическими припадками Владик Солила, которого автор наделяет способностью видеть в темноте, различать «цвет души» собеседника, тонко чувствовать растительный и животный мир. Такой тип героя роднит анализируемые произведения с антиутопической традицией последней трети XX в., где подобного рода персонаж обеспечивал сбой ритуализированной социальной системы (В. Маканин «Лаз», В. Рыбаков «Первый день спасения» и др.). В романах М. Петросян и В. Козько данный тип героя демонстрирует условность социальных и культурных оппозиций, полярность мира, объединяющее значение человеческих ценностей.

Сюжетообразующим конфликтом обоих произведений становятся взаимоотношения учителя (воспитателя) и воспитанников. Поскольку М. Петросян создает хронотоп закрытого социума, образы воспитателей Дома практически лишены внешних связей и раскрываются только во взаимоотношениях с воспитанниками, коллегами и администрацией. Мифологический мотив границы между крылом воспитателей и остальным пространством Дома подчеркивает разделение этого пространства на «свое» и «чужое»: «Воспитатели на своем этаже отгораживаются от Дома дверью с двумя замками и пытаются представить, что его нет» [15, с. 653]. Безусловно, воспитатели должны нести ответственность за поведение и обучение детей, но далеко не все закрепленные за группами педагоги выполняют свою работу должным образом. Большинство чувствуют себя чужими Дому, ощущают враждеб-

ность его обитателей и занимают маргинальное положение между Домом и Наружностью (чуждой ребятам априори).

Наибольшую вовлеченность во взаимодействие с воспитанниками демонстрируют воспитатели по кличке Лось и Ральф. Лося называли в Доме Ловцом Детских Душ. Он был безоговорочным кумиром воспитанников, его ревновали к другим ребятам, его обожествляли. Можно предположить, что идейно-психологическая нагрузка роднит образ Лося с образом Луки из пьесы М. Горького «На дне». Лось дает надежду, которая не выдерживает столкновения с реальной действительностью.

Лось не просто обожествляется ребятами, он в какой-то степени и сам примеряет на себя функцию «бога», влияя на образ мысли и межличностные отношения воспитанников (чему ребята не смеют сопротивляться). Гибель Лося во время предыдущего выпуска обусловлена ужасом ребят перед Наружностью (реальностью), с которой им предстоит столкнуться. Страх, беспомощность, неизвестность, неумение противостоять действительности рождают «богоборческие» порывы, которые приводят к трагическому финалу (убийство бога и лишение себя внутренней опоры, права на спасение).

Ральф много размышляет о причинах смерти Лося и о судьбе своих воспитанников, пытается проникнуть в философию Дома и его обитателей, уважает законы Дома. Ральф пользуется взаимным доверием ребят: он приглашен на последнюю перед выпуском Ночь Сказок, где ему удастся многое осознать и глубже постичь психологию подростков, их боязнь покинуть Дом и отрицание Наружности, их внешнюю браваду и агрессивность, за которыми скрывается неумение жить вне Дома. Если при создании образа Лося автор использует некоторые элементы вторичной художественной условности, то Ральф, пожалуй, единственный среди воспитателей персонаж, лишенный сатирических или гротескных черт, поскольку ему удастся установить с ребятами отношения авторитетного воспитателя и уважающих его воспитанников.

Марьян Знавец, герой романа В. Козько «Хроніка дзетдомаўскага саду», не искал для себя педагогической деятельности. Будучи демобилизованным по ранению во время войны (осколок застрял у сердца) он вынужденно, по приказу, возглавил детский дом в родной полесской деревне. Автор, по собственному признанию, не стремится идеализировать героя: «Па правілах я павінен падымаць Мар'яна ў завоблачныя вышы духу і сумлення. Але навошта і каму ён патрэбны такія звышдухоўны і звышсумненны»³ [14, с. 66]. Однако имен-

³ «По правилам я должен поднимать Марьяна в заоблачные выши духа и совести. Но зачем и кому он нужен такой сверхдуховный и сверхсовестливый».

но с образом Марьяна связан в романе ряд экзистенциальных вопросов: об «оплотах» человеческого духа и о нравственных ориентирах, о поиске смысла жизни, своего предназначения и жизненного пути, о нравственной ответственности человека перед своим прошлым (перед родом) и своим будущим (перед детьми).

Если в «Доме, в котором...» воспитатели пытались сосуществовать с воспитанниками (в лучшем случае – стремились понять их), то моральный «спрос» у В. Козько со своего героя гораздо более высокий. Писатель утверждает мысль о том, что учитель – это воспитатель души, нравственный ориентир, пример которого дает ребятам опору в жизни. Эту колоссальную ответственность постепенно осознает Марьян. Сам герой признает, что его душа очерствела от войны; он подозревает жену в сожительстве с немцем и не может испытывать отцовской нежности к дочери Светлане. Марьян мучается вопросом о смысле жизни, пытается убежать от самого себя и свалившейся на него ответственности: «А калі прыспеў час выбіраць і выбар той адбыўся, вось тады яго і апанавала пачуццё няпэўнасці і часовасці ўсяго, чым бы ён ні займаўся... Так і жыццё пражывеш, усё будзеш усцешваць сябе, мілаваць: вось заўтра, вось наперадзе, вось кончыцца толькі гэта, і тады...»⁴ [14, с. 212–213].

С целью глубокого раскрытия образа героя В. Козько включает в ткань повествования фантастическую историю спасения Марьяна, случившуюся в его далеком детстве. Угодив в болото, Марьян ни за что не смог расстаться с яблоком, которое держал в руках и собирался надкусить. Это мешало ему ухватиться за палку, протянутую дедушкой (образ в романе мифологизирован, выступает героем-прародителем). Зажав яблоко в зубах, Марьян выбирается из трясины. Вкус съеденного яблока помнится герою всю жизнь (с тех пор он не ел яблоки), и лишь перед смертью ему до оскомины захотелось антоновки. Нами уже отмечалось тотемное значение яблони для героев «Хроніка дзетдомаўскага саду». Во вставной новелле, повествующей о спасении Марьяна, яблоко приобретает символическое значение плодородия, народных нравственных ценностей и духовности. Наделенный ими по факту рождения, герой осознает значимость этих ценностей только в финале жизни.

Описывая взаимоотношения в детском коллективе, М. Петросян и В. Козько затрагивают проблемы детского социума, обозначенные уже в литературном процессе последней трети XX в. в произведениях В. Тендрякова, Ю. Трифонова, А. Алекс-

на, В. Железникова (ранее конфликты в детской среде, а тем более конфликты в парадигме «ученик – учитель» были табуированной темой). Острота конфликта усугубляется ввиду того, что в обоих анализируемых произведениях речь идет о детях, лишенных родителей.

Необходимо отметить, что природа сиротства в романах разная. М. Петросян повествует о детях-инвалидах, оказавшихся ненужными «здоровому» обществу. Их инаковости и проблем, с ней связанных, не выдерживают и родители, поместившие своих детей в дом-интернат. Не удивительно, что дети испытывают недоверие ко взрослым и ко внешнему миру в целом, предпочитая создавать собственные миры («Фазанов», «Крыс», «Птиц» и т. д.) со своими правилами и законами. Трагедия ребят в романе В. Козько созвучна трагедии самого автора, потерявшего родителей во время войны. Дети разделили судьбу всего народа, их личное горе – часть общей большой беды. Обитатели полесского детского дома помнят, что значит жить в семье, они не боятся мира за пределами дома, они хотят доверять взрослым (несмотря на то что нередко проверяют их авторитет на прочность).

М. Петросян и В. Козько поднимают вопросы психологических и социальных предпосылок лидерства в коллективе детей и подростков. Обитатели «Дома, в котором...» имеют четкую иерархию: в каждой группе свой вожак, транслирующий и отстаивающий интересы группы. Хозяин Дома – Слепой, он же – вожак четвертой группы. Личность Слепого мифологизирована. В определенном смысле именно он – творец мистического мира Дома. Это герой-медиатор: он объединяет реальную и ирреальную стороны Дома. Слепой способен перемещаться на Изнанку по собственному желанию. Кроме того, он может перевести туда любого из воспитанников или воспитателей. Создавая образ Слепого, М. Петросян обращается к славянским мифологическим представлениям об оборотничестве (Слепой принимает облик волка с шестью лапами). Отстаивая статус Хозяина Дома, Слепой проходит кровавый обряд инициации: убивает Помпея в битве кланов. Авторитет Слепого не подлежит сомнению: подросток обладает холодным рассудком, внутренним зрением, он, как никто, чувствует и понимает Дом. После выпуска, не желая расстаться с Домом, уходит на Изнанку, предпочитая свое inferнальное пространство чужому реальному.

В романе В. Козько «Хроніка дзетдомаўскага саду» ребята становятся лидерами по праву силы.

⁴ «А когда пришло время выбирать и выбор этот был сделан, вот тогда его и охватило чувство ненадежности и временности всего, чем бы он ни занимался... Так и жизнь проживешь, все будешь утешать себя, уговаривать: вот завтра, вот впереди, вот кончится только это, и тогда...».

Пережившие каждый свою индивидуальную трагедию, лишённые возможности воспитываться в родительской семье, они словно создают «замещающую модель» семьи, где самому старшему и, следовательно, самому сильному принадлежит старшинство. При этом автор подчеркивает тягу малышей к старшим ребятам (несмотря на обиды и унижения), которая происходит из-за отсутствия образа родителей в их модели мира: «...шкеты признавали их, адчували за імі сілу і значнасць, цягнуліся да іх, услугоўвалі ім дабраахвотна, як старэйшым братам сваім, не ведаючы падзякі, за адзін толькі ветлівы пагляд»⁵ [14, с. 165].

Мифологическое детское сознание склонно к сотворению кумира, в попытке идеализировать погибшего Сему Шверкина просматривается попытка создать коллектив, общность «на крови»: «Захапляліся яны, зразумела не ім, а Сёмам Шверкіным, якога ён адрадзіў, каб забіць і праз смерць адрадзіць зноў. Але ўжо не таго Сёму Шверкіна, шпанавітага і трохі нахабнага, але ўсёж жывога, а толькі нейкае падабенства яго. І самае жахлівае, што гэтае падабенства ўсім, у тым ліку і яму, было больш дорага, чымсьці жывы Сёма. І як іншым людзям, для таго, каб жыць, каб кіраваць жывымі, патрэбна смерць, патрэбны нябожчык»⁶ [14, с. 176].

Безграничным доверием и безусловной любовью пользуются у ребят воспитатели, авторитет которых они признали. Обделенные дети тоскуют по родительской любви и заботе и потому психологически не готовы пройти естественные процессы взросления и сепарации. Образ любимого воспитателя обожествляется, а богу простых человеческих слабостей не прощают. Страх сепарироваться от родителя (остаться без бога) привел к стихийному бунту и трагической гибели Лося в «Доме, в котором...».

В романе «Хроніка дзетдомаўскага саду» в военное и послевоенное время у ребят авторитетом по умолчанию пользовался любой мужчина в офицерской форме (Марьян Иванович не стал исключением). Директор детского дома – божество, карающее и милующее. Не случайно, слезы Марьяна, оплакивающего заповедный лес, подлежащий вырубке, глубоко потрясли детей: бог не должен ис-

пытывать растерянности, не имеет права плакать: «Доўга, вельмі доўга я ніяк не дараваў яму, не мог забыць яму тых колішніх ужо слёз. Мо і сёння я і мае сябры дзетдомаўцы не даравалі іх яму. Вельмі ж нікчэмнае, вартае жалю відовішча, калі плача мужчына, а калі ж плача сам бог – гэта наогул штосьці непрыстойнае»⁷ [14, с. 250].

Подобное отношение воспитанников к наставникам накладывало на последних огромную ответственность и исключало право на ошибку. В обоих романах ошибки воспитателей привели к летальным исходам: в «Доме, в котором...» погибает сам Лось, в романе «Хроніка дзетдомаўскага саду» погибает отправленный Марьяном на фронт Сема Шверкин, оставляя у директора неизбывное чувство вины. Следовательно, оба писателя подчеркивают, что отношения наставников и воспитанников сродни отношениям родителей и детей внутри семьи: функция наставничества не только дидактическая, но и душевспасительная, от влияния наставника зависит жизненный путь, судьба ребенка.

Примечательно, что выпускной в обоих романах описывается как трагическое событие, как пересечение очередной границы на жизненном пути человека, переход на новый этап, приобретение нового статуса. Далеко не все воспитанники готовы к этому переходу, способны его выдержать. Сам дом без детей утрачивает свою сакральность, разрушается: расформируют Дом в романе «Дом, в котором...», закрывают школу в романе «Хроніка дзетдомаўскага саду». При этом в романе М. Петросян звучат апокалипсические мотивы: судьба обитателей Дома после выпуска туманна, они не могут и не хотят приживаться в Наружности: «– Ладно, что там выпуск! В Наружности я бы хотел их встретить, вот где! Хотя пару минут полюбоваться. Потому что я их там себе не представляю, не получается у меня, понимаешь? Пробую представить – и не могу» [15, с. 520].

Эсхатология романа В. Козько «Хроніка дзетдомаўскага саду» связана с мотивом возвращения в дом (М. Петросян такой возможности не оставляет), как возвращается автор-повествователь, приобретая дом в деревне, в которой вырос, и окунаясь в прошлое для того, чтобы рассказать о нем. Именно дети в «Хронике...» спасают деревню от стихии – разбушевавшихся лесных пожаров, когда у

⁵ «...шкеты признавали их, чувствовали за ними силу и значимость, тянулись к ним, прислуживали им добровольно, как старшим братьям своим, не зная благодарности, за один только приветливый взгляд».

⁶ «Восхищались они, разумеется не им, а Семой Шверкиным, которого он возродил, чтобы убить и через смерть возродить вновь. Но уже не того Сему Шверкина, шпановитого и немного наглого, но все-таки живого, а только некоторое подобие его. И самое ужасное, что это подобие всем, в том числе и ему, было дороже, чем живой Сема. И как другим людям, для того чтобы жить, управлять живыми, нужна смерть, нужен покойник».

⁷ «Долго, очень долго я никак не прощал его, не мог забыть тех давних уже слез. Может, и сегодня я и мои друзья-детдомовцы не простили их ему. Очень уж никчемное, заслуживающее жалости зрелище, когда мужчина плачет, а когда плачет сам бог – это вообще что-то непристойное».

взрослых не осталось ни сил, ни желания ей противостоять. Дети в романе В. Козько родились, чтобы жить, и проявляют жадность жизни, как яблоневый сад, который возрождается после каждой катастрофы.

Заключение

Таким образом, в романах М. Петросян «Дом, в котором...» и В. Козько «Хроніка дзетдомаўскага саду» мифологическая цитация используется на всех уровнях жанровой структуры произведений: на семантическом (наличие собственно мифологических персонажей или героев – носителей мифологического сознания, специфика пространственно-временной организации произведений); на морфологическом (вплетение мифологических мотивов в сюжетно-композиционную организацию текста).

Апелляция к фольклорно-мифологическим представлениям способствует глубокому анализу социальной и духовной природы наставничества в изучаемых произведениях. Тема наставничества раскрывается как через дихотомию «учитель – ученик», так и через способы воплощения авторской позиции (автодиегетический нарратор в романе В. Козько).

При общности ряда художественных методов и приемов заметна разница коммуникативных стратегий М. Петросян (апокалиптические мотивы) и В. Козько (эсхатологическое звучание романа), обусловленных как социокультурной ситуацией в период создания произведений, так и национально-ментальными особенностями авторов.

Список источников

1. Друк Г. М. У храме слова. Мазыр: МДПУ, 2005. 155 с.
2. Нездзіна Т. С. Загадка Віктара Казько // Полымя. 1999. № 2. С. 192–206.
3. Барабаншчыкава Т. Л. Фальклорныя матывы ў творах В. Казько // Полымя. 2001. № 12. С. 302–312.
4. Друк Г. М. Аповесць В. Казько «Суд у Слабадзе» // Беларуская мова і літаратура. 2002. № 1. С. 94–104.
5. Бугаёў Д. Пахавальная песня з пробліскам надзеі // Крыніца. 1997. № 12. С. 20–23.
6. Тычына М. А. Кантрапункт пакутаў // Крыніца. 1997. № 12. С. 17–19.
7. Васючэнка П. В. Тры апакаліпсісы // Крыніца. 1997. № 12. С. 3–5.
8. Васілевіч А. А. Раман-міф В. Казько // Сучаснае беларускае літаратуразнаўства: сістэма каштоўнасцей і прыярытэтаў. Мінск: Беларуская навука, 2006. С. 206–235.
9. Соловьёва Т. В. Дом vs. Наружность. О романе Мариам Петросян «Дом, в котором...» // Вопросы литературы. 2011. № 3. С. 169–180.
10. Вяткина С. В. Синтаксическое своеобразие романа о подростках-инвалидах (М. Петросян «Дом, в котором...») // Мир русского слова. 2014. № 4. С. 90–95.
11. Липовецкий М. Н. Шалуны, враги, другие... Трикстер в советской и постсоветской детской литературе // Детские чтения. 2014. № 6. С. 7–22.
12. Мескин В. А., Гайдаш Л. В. Роман М. Петросян «Дом, в котором...» в контексте литературной традиции магического реализма // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2019. № 3. С. 404–413.
13. Головчинер В. Е., Макаренко Е. К., Петров А. В., Полева Е. А. Итоги Восьмой Всероссийской с международным участием научной конференции «Русская литература в современном культурном пространстве: Детство в литературе и литература о детстве» // Сибирский филологический журнал. 2019. № 3. С. 286–290. doi: 10.17223/18137083/68/26
14. Казько В. А. Хроніка дзетдомаўскага саду. Мінск: Мастацкая літаратура, 1987. 430 с.
15. Петросян М. С. Дом, в котором... М.: Livebook / Гаятри, 2009. 960 с.

References

1. Druk G. M. *U hrame slova* [In the temple of the word]. Mazyr, MDPU Publ., 2005. 155 p. (in Belarusian).
2. Nuzhdzina T. S. *Zagadka Viktara Kazko* [The riddle of Victor Kazko]. *Polymya*, 1999, no. 2, pp. 192–206 (in Belarusian).
3. Barabanshchykava T. L. *Falklornyya matyvyy u tvorakh V. Kazko* [Folklore motifs in the works of V. Kazko]. *Polymya*, 2001, no. 12, pp. 302–312 (in Belarusian).
4. Druk G. M. *Apovesć V. Kazko “Sud u Slabadze”* [The novel of V. Kazko “Judgment in Sloboda”]. *Belaruskaya mova i litaratura*, 2002, no. 1, pp. 94–104 (in Belarusian).
5. Bugayou D. *Pahavalnaya pesnya z probliskam nadzei* [A funeral song with a glimmer of hope]. *Krynitsa*, 1997, no. 12, pp. 20–23 (in Belarusian).
6. Tychyna M. A. *Kantrapunkt pakutau* [The counterpoint of suffering]. *Krynitsa*, 1997, no. 12, pp. 17–19 (in Belarusian).
7. Vasyuchenka P. V. *Try apokalipsy* [Three apocalypses]. *Krynitsa*, 1997, no. 12, pp. 3–5 (in Belarusian).
8. Vasilevich A. A. *Raman-mif V. Kazko* [A novel-myth by V. Kazko]. *Suchasnae belaruskoe litaraturaznaustva: sistema kashounascey i pryarytetau*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2006, Pp. 206–235 (in Belarusian).

9. Soloveva T. V. Dom vs. Naruzhnost'. O romane Mariam Petrosyan "Dom, v kotorom..." [Home vs. Appearance. About Mariam Petrosyan's novel "The Gray House"]. *Voprosy literatury*, 2011, no. 3, pp. 169–180 (in Russian).
10. Vyatkina S. V. *Sintaksicheskoye svoyeobraziye romana o podrostkakh-invalidakh (M. Petrosyan "Dom, v kotorom...")* [Syntactic originality of the novel about disabled teenagers (M. Petrosyan "The Gray House")]. *Mir russkogo slova*, 2014, no. 4, pp. 90–95 (in Russian).
11. Lipovetskiy M. N. Shaluny, vragi, drugiye... Trikster v sovetskoj i postsovetskoj detskoj literature [Naughty people, enemies, others... Trickster in Soviet and post-Soviet children's literature]. *Detskiye chteniya*, 2014, no. 6, pp. 7–22 (in Russian).
12. Meskin V. A., Gaydash L. V. Roman M. Petrosyan "Dom, v kotorom..." v kontekste literaturnoy traditsii magicheskogo realizma [Roman M. Petrosyan "The Gray House" in the context of the literary tradition of magical realism]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedeniye, zhurnalistika – RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2019, no. 3, pp. 404–413 (in Russian).
13. Golovchiner V. E., Makarenko E. K., Petrov A. V., Poleva E. A. Itogi Vos'moy Vserossiyskoj s mezhdunarodnym uchastiyem nauchnoy konferentsii "Russkaya literatura v sovremennom kul'turnom prostranstve: Detstvo v literature i literatura o detstve" [Results of the Eighth All-Russian scientific conference with international participation "Russian literature in the modern cultural space: Childhood in literature and literature about childhood"]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal*, 2019, no. 3, pp. 286–290 (in Russian). DOI: 10.17223/18137083/68/26
14. Kaz'ko V. A. *Khronika dzetdomauskaga sadu* [Chronicle of an orphanage garden]. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1987. 430 p. (in Belarusian).
15. Petrosyan M. S. *Dom, v kotorom...* [The Gray House]. Moscow, Livebook/Gayatri Publ., 2009. 960 p. (in Russian).

Информация об авторе

Крикливец Е. В., доктор филологических наук, доцент, профессор, Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (Московский проспект, 33, Витебск, Республика Беларусь, 210038).
E-mail: kriklivec@mail.ru

Information about the author

Kriklivets E. V., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor, Vitebsk State University named after P. M. Masherov (Moskovskiy prospekt, 33, Vitebsk, Republic of Belarus, 210038).
E-mail: kriklivec@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.10.2023; принята к публикации 04.12.2023

The article was submitted 10.10.2023; accepted for publication 04.12.2023